

Никора

Как-то я присутствовал на одном заседании в правительстве. Шла дискуссия. Столкнулись интересы австрийской и местной фирм, изготовлявших мясные изделия. Австрияк был облачён в национальный костюм, с виду простой крестьянин. Грузинскую компанию возглавляли строгого вида мужчины в дорогах костюмах, при галстуках. Они рекламировали свою продукцию и вели патриотические разговоры. Конкурент, являвшийся европейским брэндом, кроме качества, гарантировал ещё низкие цены.

Я долго взвешивал все за и против. В результате запутался. Тут на меня нашло. Вспомнил одно обстоятельство. Его нельзя было принимать всерьёз. Но оно было. Грузинская фирма называлась — «Никора». Так вот я «запал» на этом наименовании. Во время кафе-брейка рассказал коллеге историю. Он слегка повёл плечами и сказал: — Интересная история, но аргументом быть не может.

В провинциальном городке, где я рос, можно было видеть древний-предревный вид гужевого транспорта — уреми, запряжённую двумя волами арбу. Осенью караваны уреми, гружённые виноградом, тянулись к воротам винного заводика. Тогда тишину главной улицы нарушали только поскрипывание повозок и редкие голоса переговаривающих между собой крестьян. Волы не издавали ни звука. Они тупо жевали свою нескончаемую жвачку, пуская при этом слюну, — угрюмые могучие трудяги.

Однажды меня посадили на уреми, крестьянин угостил меня сладким виноградом. На меня нагнал дрёмый медленный ход, то, как мерным маятником из стороны в сторону качались зады волов. Иногда они лениво отмахивались хвостами от насекомых, роившихся над их грязными крупами. Животные по ходу испражнялись. Я не доел виноград, расхотел кататься.

Как-то ребятня стояла на улице и наблюдала караван. Наш товарищ по двору Васо рассказал о мухе, которая водилась в хлеву. Только она могла расшевелить этих крупнорогатых. Она жалила их, а те сипло мычали, поводили рогами, яростно хлестали

свои крупы хвостами. Вдруг рассказчик показал пальцем на одного из слушавших его мальчиков и шёпотом произнёс:

— Да вот она у тебя на шее сидит!

Несчастный впал в панику, начал бегать, ошалело размахивать руками, пытаясь отогнать воображаемую муху.

В этот момент мимо проезжала арба, на которой восседал дядя другого парнишки из нашей компании, Бего. Пока повозка проезжала мимо, родственники успели поговорить на разные темы. После того как арба отдалилась, Бего кивнул на впряжённого в неё чёрного вола и заметил: — Каким бугаём был! А теперь...

Здесь он попытался изобразить, как медленно, вразвалку передвигается вол. Не забыл при этом руки к вискам приложить — показал рога.

Бего продолжил: — В деревне у дяди я видел, как четыре мужика еле удерживали этого чёрного, когда тот норовил корову накрыть, которая почему-то ему не причиталась. Пятый мужчина в это время привязывал бычину к стойке дома. Самец рвал и метал, бил копытом в землю. Елда у него была огромная. Потом он так рванул, что сломал стойку, из-за чего обвалился угол дома. Дом-то каменный был, крепкий. Вот шуму было! Мужики не знали, то ли быка снимать с коровы, то ли к обрушившемуся углу бежать. Потом этому хулигану «того-того» сделали, выхлостили, — заключил Бего, делая красноречивый жест. Затем поспешно добавил: — Да, быка Никорой зовут!

В конце концов на заседании был найден компромисс... Сегодня, как обычно, в магазинах фирмы «Никора» я покупаю любимую бастурму (вяленую говяжьё вырезку), а приглянувшуюся австрийскую колбасу с чесноком — в обычных гастрономах.

«Ачу, Кукуру!»

На юношеском шахматном турнире во Львове я сделал подсказку младшему товарищу по команде. Ход конём был выигрышным. Я произнёс: — Ачу! — и был понят.

Таким образом грузинский извозчик погоняет... конечно, коня. Молодой шахматист пошёл

соответствующей фигурой, но не в ту сторону. Тут у меня вырвалось:
— Тпру-у!

Что это значило, кажется, знали все. Участники турнира обернулись на меня. Я покраснел как рак.

Я и мой брат представляли поколение, которое ещё застало в городке лошадей. Их использовали как такси и гужевой транспорт. Мы носились по широкому двору с верёвкой-вожжами через плечи. Возница лихо помахивал хлыстом (матрахом) и покрикивал или «Ачу-ачу!», или «Тпру-у!», а рысак моментами издавал ржание—я и брат подражали кучерам-таксистам. Их кони отличались резвостью. Если ты слышал быстрый энергичный цокот копыт об асфальт главной улицы—гадать не проходило: это местное такси. Владельцы экипажей украшали их кистями и чудовищно безвкусными рисунками.

Гужевые лошади были весьма унылыми, неприбранными. Как казалось, беспородными. Они тягали одноосные телеги. Двусная была только у отца парня по прозвищу Папаци (не переводится и не поддается объяснению). Говорят, что его багюшка пригнал телегу с Кубани через Абхазию, Менгрелию в Имеретию и привёз на ней оттуда жену, уже беременную на Папаци. В городке керосин развозил понурый коняга, таскал за собой повозку с бочкой, окрашенной в красный цвет. Был мерин, который возил мусор. Его хозяин, контуженый фронтовик, влип в историю.

Произошло это во время первомайского парада. Я и мой брат стояли рядом с трибуной. Парад шёл своим чередом, труженики района с флагами и транспарантами дефилировали по главной улице. После того как местный босс, стоящий на трибуне, через громкоговоритель бросал в массы очередной лозунг, народ отвечал ему: «Ура-а!»—или на грузинский манер: «Ваша-а!» Получался разнобой. Я заметил, что начальство было недовольно: мол, недоработали, народ кричит и шагает нестройно. Мало того, к одной из колонн демонстрантов пристроился мусоровоз. Возница помянутого мерина в тот момент, кажется, не понимал, куда попал. На него налетели менты, злые и озабоченные: неужели политическая провокация?! Но обошлось без последствий, мусорщика в тот же день отпустили. Не стали наказывать бедолагу-фронтовика.

В городке не разнообразили с кличками для лошадей. Из пяти трёх звали Кукури. Характерно, что здесь созвучное имя носило немало людей обоих полов. Нашу соседку звали Кукури. Это была крупная полная женщина. Мне запомнилось, как она поскользнулась на паркете в нашей квартире. Даже ударилась головой. Наша семья одна из первых в городке стала натирать пол мастикой. Я и мой

брат так надраили его, что он стал блестящим и скользким. Нашего родственника звали Кукури. Его сына во дворе звали по отчеству, для пушего эффекта слегка коверкая. «Кук-к-курыч!»—так оно звучало.

Со временем всё реже мальчикам и девочкам давали это имя. Меньше стало в городке лошадей. Совпадение?! В свои права входили автомобили. К примеру, одно обстоятельство. У мамы был чуткий сон. Она жаловалась на соседа Пармена, который спозаранку будил её. Этот тип скрежетал своим совком, соскребая с асфальта лошадиные фекалии. Он смешивал их с птичьим помётом и удобрял грядки огорода, где разводил овощи, которые продавал на базаре. Со временем Пармен меньше скрежетал совком по утрам, перестал будить маму. Свой огород он удобрял уже только птичьим помётом...

Жеребец Кукури являлся одним из последних представителей лошадиного племени в городке. Его круп был серой масти, ноги, грива и хвост—чёрной. Чаще встречались лошади пегой, тёмно-пегой, переходящей в коричневую, масти. Ещё жеребёнком со стройными и тонкими ногами он сопровождал свою мать—тянувшую телегу грузную кобылицу. Пострел блуждал, то забегая вперёд, то отставая, иногда ходил кругами вокруг неё. Делал это хаотично. Осмысленными казались его передвижения, когда малец, вроде опомнившись, пристраивался к кобыле.

Как-то мы, мальчики, возвращались со стадиона после футбольного матча, где накричались вдвоём, поэтому голоса были сиплыми. Шли вместе с мужчинами-болельщиками.

— Глядите, конь!—воскликнул один из нас.

Жеребчик пастыя у железнодорожной насыпи, где бурно росла трава. Он спокойно щипал её, помахивая чёрным хвостом. Я подошёл к нему. Рядом стоял бравый усатый молодой человек. От него узнал, что коня зовут Кукури. Парень снисходительно позволил мне погладить коня. Так вроде познакомились. Тут меня окликнули. Оказалось, что я задерживался и сильно отстал от товарищей.

Несколько позже я увидел, как по главной улице во весь опор нёсся Кукури, погоняемый ражим усатым хозяином. В бричке находилась развесёлая компания. Прохожие оглядывались на это зрелище, некоторые останавливались, чтоб получше рассмотреть. Кто-то отметил прыть коня. Я сказал, что знаю его кличку. Впрочем, она прозвучала совершенно обыденно.

Я рос впечатлительным ребёнком. Меня иногда беспокоили страхи, о которых я помалкивал. К случаю, мною овладевало жуткое чувство, когда

я проходил мимо одного мрачного строения, прилегающий двор которого был огорожен высоким забором. Местная бойня. Другие мальчики из любопытства взбирались на забор и потом рассказывали всякие ужасики о том, что видели на той стороне. Я внутренне холодел, но чувства свои скрывал. Как-то наше семейство возвращалось с какого-то праздничного мероприятия в парке городка. У меня и брата в руках были надутые разноцветные шарики. Папа решил нас угостить прогулкой на конном экипаже. На остановке такси стоял один из них. В него был запряжён Кукури. Кучер узнал меня и подмигнул. Он не стал торговаться с моим отцом. После его «Ачу!» и удара матрахом Кукури рванул с места в карьер. Мы держали шарики над головой, вот-вот они вырвутся из рук от скорости, какую набрала наша брчка. В какой-то момент мы проезжали мимо бойни. Я отвёл глаза и вдруг почувствовал, как сам по себе прибавил бег Кукури.

— Что это он? — спросил отец.

— Он всегда так поступает в этом месте, — ответил кучер.

Кукури сбавил ход, когда бойня осталась позади. «Неужели у коня тот же тик?» — подумал я.

На следующий день я припас яблоко для Кукури. Тот фыркнул и энергичным движением верхней губы сгрёб яблоко с моей руки. Днём позже я сделал то же самое, на этот раз при стечении публики — мальчиков со двора. Дескать, смотрите, вожу дружбу с конём. Ещё на следующий день я застал двоих-троих пацанов, кормящих Кукури яблоками.

Держал ли меня за старого знакомого конь? Я бы не сказал, чтобы он как-то реагировал на меня. Никаких тебе признаков узнавания. Его глаза мне было не рассмотреть, мешали торчащие по бокам шоры. Приветливость выказывал только кучер. Я иногда заговаривал с конём. Задавал вопросы типа: «Как дела? Как настроение?» Они были, конечно, риторическими. На них иногда отвечал хозяин.

Но вот случилась авария — сломалась брчка. Кукури остался не у дел. Наша школа находилась у подножья бугра. Его пологий склон, исполосованный жёлтого цвета тропинками, был покрыт зелёной травой. Так вот, Кукури, отпущенный на свободу, пасся в этих местах. Его постоянно можно было видеть из окон школы, обращённых в сторону бугра. В перемену ученики бегали к Кукури, кормили его фруктами. Во время уроков детишки заглядывались на него, отвлекались от занятий. Но потом к виду мирно пасущейся лошади привыкли.

Однажды конь всё-таки опять привлёк к себе внимание... Прошёл дождь, и Кукури поскользнулся на склоне. Бедняга затруднялся встать. Чем

больше усилий он прилагал, тем больше скатывался вниз. Общий смех детворы прервал учебный процесс. Он длился столько, сколько мучилось животное. В этот момент в нашем классе шёл урок истории. Молоденькая учительница в очках никак не могла унять оболтусов. Только она и я не разделяли это веселье. Мне было жаль некогда лихого рысака.

В перемену ученики снова побежали к Кукури. Весь его бок был вывален в грязь. Мы стояли на некотором удалении. Я выдвинулся вперёд и протянул руку. Потом не знаю, что произошло: я повернулся и бросился бежать. На меня в это время вдогонку надвигался угрожающий топот. Ребятня в страхе разбежалась.

Об этом инциденте узнали в дирекции школы. Конь пропал. Его хозяину запретили пасти его агрессивное животное вблизи школы.

Потом я узнал, что Кукури стали водить на прокорм на территорию винного завода. Держали на привязи. Вероятно, запахи вина плохо подействовали на коня. Он запутался в верёвке и упал. Сработал инстинкт самоубийства — жеребец бился виском о камень. Его нашли мёртвым в луже крови.

Брчка Кукури ещё долго стояла без колёс у забора хозяина и после того, как на улицах городка уже было не встретить лошадь.

Пунктик

Гурико был полным ребёнком. Прозвища преследовали его постоянно. С возрастом они становились менее обидными, обзывали его меньше. Как-то к нам в убан заглянули и спросили Гурами (Гурико — ласкательно-уменьшительное). Спрашивавшего спросили, какой из них надобен — «толстый» или «тот, что в очках» (это я). Гурико всё это слышал и улыбнулся про себя. На этот раз обошлось без прозвища. Со временем к нему, мяснику из гастронома, обращались не иначе как к Гураму Аполлоновичу. Пользоваться его расположением имело смысл. Он поднаторел в своей профессии и мог удружить, нарубив тебе отменные куски мяса. В противном случае мясник умел незаметно всучить одни кости, что обнаруживалось покупателем уже дома. Гурико чувствовал себя хозяином в мясницкой. Его небритая физиономия лоснилась и всегда была значительной. Он ходил в замызганном халате, а за поясом носил огромный нож в инкрустированных ножнах. Мой приятель был чем-то похож на Шрека в грузинском варианте — с порослью чёрных волос на руках, чёрными усами, сросшимися бровями, низким, исполосованным глубокими морщинами лбом.

Иногда он бывал по-своему мягким, склонным к сантиментам. Однажды я наблюдал сцену на

стадионе. Мы коллективно ходили на футбол. Гурам, обычно неразговорчивый, начинал проявлять активность. Переживал за нашу команду, громко материл судью. Как-то рядом с нами сидели русские — отец и сын. Вроде приезжие. Они болели за местную команду. Мясник был в благодушном настроении. Наши выигрывали. После очередного гола в ворота гостей он сгрёб незнакомца и впился в него поцелуем. Когда же отпустил несчастного, губы у того были синие, а глаза вытаращенные. Заметно было, как он восстанавливает сбившееся дыхание.

Другой раз мы выехали на природу, на пикник. Выйдя из машины и окунувшись в пастораль, мясник неожиданно сделал движение, отдалённо напоминавшее порхание мотылька.

— Вот и бабочка прилетела! — сострил кто-то.

О том, что Гурико вполне ранимый мужик, свидетельствует один факт. Как-то в компании мы фантазировали на тему, кому какой хвост подойдёт. Одна особа по имени Ирина (также известная в народе как Перчик) заметила Гурико, что хвост бегемота — это для него. Можно предположить, что назыви его бегемотом — она не так сильно обидела бы парня. Никто не знал, какой хвост у гиппо. Эта обстоятельство делало сравнение ещё более обидным. Игра закончилось перепалкой между Ирочкой и Гурико.

Я уехал в Тбилиси, поступил в вуз, а Гурико остался в городке. Работал в той же мясницкой. В один из наездов я заглянул к нему. Поговорили о том о сём. Я случайно вспомнил, как писал для газеты материал об аттракционе одного известного дрессировщика, который работал с бегемотом. Я чуть ли не всю свою заметку пересказал слово в слово. А под конец услышал вопрос:

— А какой у бегемота хвост?

Я не смог ответить, так как на хвост гиппоса внимания не обратил, его в своей заметке не описывал. Я подумал про себя: «Точно на бегемотах запал!» Тут мой приятель окликнул сотрудника, дородного малого, назвал его Гиппо. Произнёс как прозвище, с иронией.

Потом мы долго не виделись. Как-то узнал от Ирочки-Перчика, моей коллеги, что он тоже перебрался в Тбилиси, открыл свою хинкальную.

Встреча всё-таки состоялась, и при весьма неординарных обстоятельствах.

Ночью мне позвонили, сообщили, что в городе произошёл природный катаклизм, что мне пришлют редакционную машину. Была недолгая, но сильная гроза. Вероятно, из-за неё проблемы.

Наводнение заполнило площадь. Некоторое время вода кружилась омутами в разных местах. Из неё вздымались горб эстакады и высоченная скульптурная композиция, напоминающая фаллос,

был затоплен первый этаж небоскрёба. Сквозь наносы грязи из лопнувшей трубы извергался двадцатиметровый столб мутной воды. Скоро стихия утихомирилась, шумел только этот столб.

Сель накрыл зоопарк. На поверхности барахталась разная дичь. На площади появились люди в полувоенной форме, вооружённые винтовками. Они отстреливали оставшихся в живых зверей. Вот от наносов отделилась фигура гиены. Она сильно качалась, обессиленная. Её тут же застрелили. Укондиционера с внешней стороны полузатопленного здания на территории парка метался медведь. С косолапым поступили так же, как гиеной, несмотря на протесты собравшейся толпы. — Инstrukция на этот счёт имеется, — заявлял начальник людей с винтовками.

Мы развернулись и поехали в сторону набережной. И что я вижу... Самый обыкновенный бегемот разгуливал по дороге. Его принесли сюда потоки грязи? Он хранил полное равнодушие к движению транспорта, испражнялся, при этом пропеллером крутил своим хвостом, рассеивая фекалии, да так энергично, что часть из них угодила в крону дерева. Тут я и увидел Гурико. Он протирал свою машину тряпкой.

— Этот свин мою машину своим говном забрызгал! — возмутился Гурико.

Как я узнал из разговора с ним, он ехал по набережной на работу, а тут такая незадача.

Эти кадры обошли весь мир. По Би-би-си его показали без комментариев. Бегемота весёлой толпой толкают молодые люди. Обращают на себя внимание свисающие кисточки. Но это не карнавальное украшение. В бесприютно гуляющее животное стреляли шприцами с транквилизаторами. Бегемот вроде как пьянький, улыбаётся и мурлычет фривольный мотив. Среди толкающих гиппо выделялся крупный мужчина, похожий на Шрека. Это был Гурико.

При расставании мой приятель пригласил меня в свою хинкальную.

Я позвонил Ирочке-Перчику. Она вела репортаж с другого места, где от наводнения сильно пострадало население. Ира сказала, что улица, где она проводит съёмку, названа в честь человека с моей фамилией. Затем назвала имя. Среди моих родственников такого не нашлось. Я сказал ей о Гурико и бегемоте и о том, как животное обошлось с его авто. На том конце связи посмеялись, а потом послышалась фраза:

— Теперь он точно знает, какой хвост у гиппопотама.

Катя

На одной литературной тусовке я познакомился с Наташей, женщиной разбитной, без комплексов.

Можно сказать, богемной. Она громко, напористо читала свои готические стихи, кишевшими «сто-звенными, столгавыми» кентаврическими образами. Некоторым особенно ранимым зрителям становилось плохо. Одна общая знакомая заметила мне, что ей страшно глядеть в глаза Наташи. Большие и чёрные. Во время декламирования зрочки застывали. Как у ведьмы! Девушка боялась этого взора, ступёвывалась, делала вид, будто что-то ищет в сумке. В первые моменты знакомства я попытался поиграть с поэтессой в гляделки. Беспардонно уставился на неё. Она мне в ответ улынулась и мягко заметила, что у меня глаза честные.

Позже я встречался с ней в парке недалеко от моей работы. Она выгуливала собаку. Пёс был егрозой, Наташа много волновалась, непрестанно окликала его:

— Лилит! Лилит!!

Стояли жаркие летние дни. Она, высокая, худощавая (кудряшки на голове), женщина не первой молодости, выглядела несколько странной в лёгких молодёжных одеждах. Моя собеседница говорила во весь голос и на разные темы. От неё слегка пахло алкоголем. Я охотно разделял её разговоры. Как-то к нам подстроился мальчик лет тринадцати-четырнадцати. Он нерешительно мялся в стороне, а потом попросил сфотографировать собаку. Его занимало наше экстравагантное общество. Она это сразу уловила.

— Какой необычный мальчик! — сказала она.

Мы говорили о её дочке. Иногда мать называла её «хорошей типшей». Девушка работала в зоопарке, в отделе хищников. Я проявил живой интерес к Кате (так её звали). Работать с хищниками — круто. В ответ на мой вопрос, как с ней можно познакомиться, меня окинул взор чёрных глаз и последовало:

— Вы хотите породниться с нами?

Наташа говорила на полном серьёзе. Я промолчал и отвёл глаза.

Через некоторое время я наведалься в зоопарк. Специально готовился. Лет десять там не бывал. Отдел хищников обветшал. Было жарко, животные находились во внутренних помещениях. Я зашёл во внутренний зал. Меня напором обдал запах животных. Но скоро сервксы. По главному проходу проаживалась особа в белом халате. Указательным и безмянным пальцами правой руки она держала карандаш. Как сигарету. С её лица не сходила брезгливая мина. Видимо, она так и не привыкла к тамошним запахам и животных не полюбила. И боялась. Она стояла у клетки с двумя маленькими тигрятами из Индии. Новое приобретение зоопарка. Одного из них она исподтишка ткнула карандашом в лапу и быстро отпрянула от клетки. Рядом двое рабочих возились со

львом. Один из них ласково теребил льву гриву, другой же почёсывал за ухом. Хищники благоволили им — двум карлика с набором разных генетических изъянов. Обычно сонные обитатели вольера оживлялись, увидев этих двоих, толкающих перед собой тачку с кормом. В тот же день наведалься молодой мужчина в очках. Курд по происхождению. Он подарил львёнка зоопарку. Вернее, его заставили это сделать. Хищник жил в его доме и однажды во время прогулки проявил весёлость, от которой разбежались находящиеся поблизости люди, сколько ни кричал хозяин: «Это он так играет!» Стоя у клетки, парень ласкал своего питомца, а я думал, где и как в Тбилиси можно купить льва.

Я удивился, увидев старого уссурийского тигра. Он пребывал в той же позе, в какой я его видел в последний раз десять лет назад, — сидел в дальнем углу клетки, неподвижный. Я ещё раз порыскал вокруг глазами. Кати нигде не было видно.

Я гадал, какой она могла быть. В джинсах, с короткой стрижкой, с шапкой-бейсболкой на голове. Она курит, с характером, стихов не пишет, слегка матерится, одёргивает свою поэтичную матушку...

Днями позже я сидел в парке Пушкина. Литературное общество организовало чтение стихов у бюста поэта. Ученики русской школы читали надрывно. Одна девочка даже закашлялась, а мальчик осип. Им было трудно перекричать шум находящегося поблизости фонтана. Участников мероприятия отвлекало ещё то, что рядом какой-то малец, вооружённый детским пистолетом, стоял на карауле у могилы. Она принадлежала Камо, главному рэкету революции, братану Ленина. Знал ли мальчик, чью могилу охранял? Многие тбилисцы её не замечали. Женщина, проходившая мимо, приостановилась у аккуратного гранитного прямоугольника. Она медленно читала. В свои права вступил маленький милиционер. Он картинно передразнил даму, дал понять, чтоб та не задерживалась. Озадаченная женщина не стала прекословить необычному стражу порядка. Но послышалось: — Шако, опять людям проходу не даёшь! Вот отниму у тебя пистолет. Хорошо, что свисток догадался у тебя отнять!

Это говорил толстый полицейский, сидящий вразвалку на скамейке. Шако перестал бдеть у могилы. Его взгляд упал на группу людей у бюста Пушкина. На этот раз он решил, что люди пытаются нарушить покой поэта, и направился в ту сторону...

Добровольного стража порядка уняли сразу. Вовремя поспел толстый милиционер. Знаками и подмигиванием он дал понять любителям классики, что ребёнок не в себе, и повлёк того в неизвестном направлении.

Я переместился к фонтану. Это была громоздкая конструкция из металла с человекоподобными

фигурами. Казалось, что вода под давлением пробивалась наружу из самых неожиданных мест. В одном фрагменте «возлюбленный» протягивает деве букет из металлических роз, и одновременно из его рта в её сторону била струя. Но мало кто замечал такие подробности. В самый зной люди отдыхали в прохладе фонтана.

Неожиданно в фонтан спустилась девушка. Она долго не решалась и вдруг, грациозно преодолев парапёт, оказалась в журчащей воде. Нимфа славянской внешности, короткая стрижка обозначала прелестную форму черепа. Она чуточку приподнимала полу своего похожего на тунику платьица, незначай обнажая стройные ноги. Взгляд был задумчив, и не исключено, что она ещё не осознавала, что делала. Мужчины смотрели на неё с жадностью, но без похоти. С громкими всплесками и весёлыми криками одна за другой в воды фонтана прыгали весёлые нимфетки... Неожиданно, как бы возвращаясь к действительности, дева встревожилась, шея вытянулась.

— Лилит, Лилит!! — позвала девушка, ища напряжёнными глазами кого-то.

Неужели Катенька?!

Я не стал форсировать событий. В резерве у меня был визит в зоопарк.

Утром я проснулся с приятным предвкушением. Вышел к своим к завтраку. За столом бурно обсуждались события ночи. Сель затопил зоопарк. Я побледнел. По тв говорили о погибших. Утонули двое рабочих и сотрудница зоопарка, дежурившие в ту ночь. «Какая из них?!» — чуть ли ни возопил я.

Марс

Я всегда помнил забор моего двора обшарпанным. Его ставил ещё дед. Привычка видеть ограду такой укрепила во мне мысль, что ставить новую — большая проблема и что надо решиться, чтобы её обновить. Я женился. Моя супруга оказалась более решительной. Она тут же распорядилась построить новый забор. Я солидаризировался с ней и рассказал ей насчёт своих наваждений по поводу забора. Она мне ответила:

— Не морочь голову психоделией. На самом деле ты — просто лентяй, — сказала она.

Я нанял двух мегрельских парубков. Они приехали из деревни, первое время косили под беженцев из Абхазии. Жили по соседству, снимали угол. Они хвастались, что в деревне у них хозяйство, сотни кустов фундука. Они сдают орешки государству, которое платит за них больше, чем за виноград. Никакого особого ухода эта культура не требует. Не то что капризная лоза.

Увы, мои ожидания стали подтверждаться. Процесс затянулся. Получилось, что я сам был в этом

виноват (вольно или невольно). Один из нанятых (по имени Гия) выпросил у меня деньги и убежал к себе в деревню. Его товарищ (Джвбебе) говорил мне с укоризной, что я нарушил важное правило в общении с мастерами: ни в коем случае не платить заранее. Таким образом у рабочего пропадает мотивация. Этого слова он не знал, но имел в виду. Потом этот тип сам стал пропадать. Поводы были разные. Главный — он работает в одной из служб городского хозяйства. А тут поспело наводнение, так что ему было не до моего забора.

Вечерами мужчины сидели на завалинке и вели беседы. Джвбебе рассказывал о последствиях селя. Фонтан мутной воды ослаб. Его потом заткнули. Грязевая масса вперемежку с буреломом и камнями начала застывать. Из её недр поднимались и медленно лопались пузыри. Буль — и лопнул пузырь. Буль — уже в другом месте. Пока поверхность не покрылась коркой из-за солнца.

— Нам студенты помогают. Сами вызвались. Среди них немало девчушек. Не знаешь, то ли в воюющем шламе возиться, то ли на этих фифочек смотреть.

Здесь Джвбебе хихикнул.

Другой наш собеседник вспомнил, что его бабушка в тех местах грибы собирала, что ей дорогу волк перебежал. Кто-то рассказал о том, как речку в трубу загнали, когда площадь строили. Речку обидели! Теперь плоды пожинают!

Власти призывали население быть осторожнее. По истечении нескольких дней не были обнаружены тела нескольких животных. В конце концов не досчитались одного тигра.

— Того гляди где-нибудь близко от парка бродит, — заметил кто-то.

Среди соседей был следователь из полиции. Он рассказал нам историю.

— Подозреваю, что я слышан об этом тигре. Дело одно вёл. Он уссурийской породы, крупный, довольно старый. Марс его кличка. Всегда спал. Один из посетителей, пьяный мужичонка, решил расшевелить его. Он перелез через ограждение и горячей папиросой подпалил кошке ус. Хулиган вроде сразу отпрянул. Но тигр среагировал мгновенно. Неведомо как сквозь решётки протянул лапу и ударил ею человека, да так, что отбил у него руку. Она тут же упала и скрючилась, почернела. Этого балбеса увезли на скорой, а руку работники зоопарка закопали в тот же день. На другой день явились родственники пострадавшего. Дескать, верните руку. В общем, разборка была.

Джвбебе пообещал, что прикинется мёртвым, если наткнётся на зверя. В связи с этим возник спор. Кто говорил, что этак медведя можно провести, кто доказывал, что падаль разве что шакалы и гиены едят.

Случилось нечто...

Тигра вроде как обнаружили, вроде как мёртвым. Грязное тело валялось у бункеров для мусора. Его нашли рабочие. Они толком не сообщили начальству о находке. Когда же хватились, то тела уже не застали. И опять имело место разгильдяйство. Никто не поднял тревогу. На следующий день один из рабочих перелез через ограду парка шелкоткацкой фабрики. Парк находился выше по склону, и паводок его не затронул. Рабочего атаковал тигр. Прибежали люди с винтовками, но было поздно — человека не спасли, а зверя убили.

Джебе был знаком с несчастным парнем. Он рассказал мне о нём, когда возился с моим забором: — Этот парень по-настоящему был беженцем. Ни кола ни двора!

Буллинг пубертатов

В шестидесятые годы на Западе происходила сексуальная революция. До нашего университета она дошла только к семидесятым и в весьма изменённом виде. Студенты постоянно говорили о Фрейде. Были и такие, кто знал мудрёные слова: «рассублимирование инстинктов», «разоблачить репрессивную суть культуры», «дать волю либидо».

Однако стали возникать вопросы. Почему гоняли гомиков или нимфоманок? Делалось это с остервенением, как в тридцать седьмом году вычисляли троцкистов. Они вроде как самые последовательные «рассублиматоры инстинктов». Ан нет! За перипетиями было не уследить. Человек мог одновременно быть гонимым одной частью общества и гонителем другой. О фактах заботились мало. Прямо как в достопамятном году.

Тут поспело словечко «буллинг». На первых порах термин почитали «буржуазным», и описывал он «их нравы», чуждые нашим. Я работал в московском НИИ социологии, где занимался проблемами молодёжи. Меня вызвал секретарь парторганизации и сказал, что принято решение использовать термин применительно к советской реальности. Этот термин я привёз в Тбилиси. Через некоторое время я сделал вывод, что никакой сексуальной революции в нашем уни не было. Имел место тривиальный буллинг пубертатов. Фрейдизм был только горячительной приправой, приводящей к путанице в головах в большинстве своём девственников и девственниц.

Вчера на улице меня остановил джип водопроводной компании. Я долго не мог понять, что происходит. Из кабины высунулась небритая физиономия. Мужчина звал меня: мол, подвезу. В нём я не сразу узнал знакомого по университету Мишу Г. Он учился на физфаке. Тогда, во время учёбы, мой собеседник ростом не отличался,

был субтильным. С тех пор он не стал выше, но заматерел, голос изменился, крепкие волосатые руки уверенно крутили баранку авто. По дороге он шуточно рассказывал, как из физика-ядерщика переквалифицировался в водопроводчики. В Грузии ядерщики не особенно востребованы, в отличие от сантехников (так он себя величал). Себя я представил как ювентолога — специалиста по молодёжным проблемам.

— Название благозвучное! А польза какая от вас?! — отреагировал собеседник.

Я заговорил о своих выкладках касательно «революции». Миша оказался весьма понятливым собеседником. Он сразу подхватил тему. Более того, меняя тональность разговора. Вдруг сразу посерьёзnel.

— Ты помнишь Лиду? Симпатичная такая была. Вот — жертва буллинга! — ввернул он, потом быстро добавил: — Других ещё можно посчитать.

Речь шла о психически неуравновешенной девушке. Она реагировала на двусмысленности, густо краснея и принимая всё на свой счёт. Кто-то что-то скажет сексуально-революционное и на неё смотрит. Вроде шутили, а она страдала.

Миша включился в разговор:

— Противными бывают не те, кто травит слабых. В основном это народ с юмором. Если гоняли кого, то потехи ради. Если что, они тут же отнекиваются: мол, шутки шутят, а их не понимают.

Миша притормозил на переходе. Потом с ним связались по служебной рации.

— Сообщили, что гроза ожидается. Пиши пропало — завтра работы на целые сутки будет. Без затопления не обходится, коллекторы в городе менять надо... — здесь он вернулся к теме: — На журналистике одна баба училась. Её Перчиком звали за язык паршивый. Таким особам кажется, что они всё знают, но теоретически. И это при полном отсутствии практики. Шутки тех заводил она принимала за чистую монету и потом распространяла как сплетни. Вот когда твой буллинг начинается.

Здесь Миша закурил сигарету. Манера у него была смешная — сигарету в самом углу губы держал, а глаза при закуривании в другую сторону смотрели. — У той несчастной срыв произошёл не в нашей альма-матер, а по месту жительства, где она себя в безопасности чувствовала. Но сплетня — вещь вездесущая. Идёт однажды она по родной улице, проходит мимо группы соседей, от неё мальчонка трёх-четырёх лет отделяется, показывает пальцем на девицу и обзывает её. На несмышлёныша взрослые шикать начали. Но ежу понятно, откуда у осла уши растут. Получается, что обложили её. Она бегом домой...

Я хмыкнул про себя — такие его суждения и ещё вольность, с какой он обращался с прибаутками! Слышу, у него голос чуточку сломался...

Мы обменялись телефонными номерами.

— Того гляди мои услуги понадобятся! — заметил он напоследок с хитринкой.

Направляясь к подъезду, я почувствовал духоту. Гроза назревала. Нависла глубокая тишь, пока её не прорезала молния.

Утром домашние узнали, что на площадь и зоопарк спустился сель. Особенно всполошило нас, что где-то на окраине города река, вернее, водогрязевой поток обрушился на улицы. В тех местах наши родственники жили, двоюродные братья. На звонки они не отвечали. Я и мой брат на его машине срочно выехали в тот район.

К счастью, улица, где жили родственники, не очень сильно пострадала. После неистойвой грозы на улицах появилась вода. Мощь потока увеличивалась, он всё больше превращался в густую клокочущую массу. Люди сильно были напуганы и провели ночь на крышах своих частных домов. Они не видели озверевший поток, который с грохотом нёсся в темноте. Они не слышали даже собственных голосов. Под утро шум стал убывать. Отошла вода, оставив на улицах нанесённый мусор — камни, бурелом. . . Мы принялись за уборку. Во дворе накопилось много грязи. Она проникла в подвальные помещения и на первый этаж. Трудились, пока не стало припекать солнце. Уставшие, мы притихли, кто соснул, кто просто расположился на лежанках. Тут в наступившем покое послышалось пение. Оно доносилось из-за гнилого забора. Из соседнего двора. Пела женщина, её голос был нежным, по интонации звучания это была колыбельная. Я подошёл к забору, встал на цыпочки. Она восседала на полуразрушенном крыльце. Спутанные грязные волосы, местами с сединой. Грязное платье. Из-за всего этого она выглядела старше своих лет. Лицо её было умиротворённым, женщина баюкала кошку. Меня она не заметила. — Кто это? — спросил я двоюродного брата.

— Лида, — ответил он мне вполголоса. — Она сумасшедшая. На улице не бывает. От людей прячется. Говорят, что в университете училась, от учёбы головой повредилась.

На обратной дороге я заметил редакционную машину. Около неё стояла Ирочка-Перчик, в одной руке микрофон, в другой помада. Она подводила губы и одновременно давала указания оператору. Проехав метров сто, я увидел Мишу, в иностранной спецовке, обляпанной грязью. Вместе с рабочими он энергично орудовал у коллектора, откуда бил фонтан грязной воды.

«В одном пространстве и времени нас собрал катаклизм — теоретика буллинга, свидетеля, хищника и его жертву», — невзначай подумал я.

Мэрия срочно приняла меры по устранению последствий. Была задействована разнообразная

импортная техника. Её расцветка и формы впечатляла. Население, особенно мальчишки, глазели на неё. Подключились волонтеры — студенты университета. Сначала они работали под звуки рэпа. Делали селфи. Затем кто-то догадался принести записи народных трудовых мелодий. Молодёжь работала и подпевала. Парни и девушки гопом брались за одно дело — разгребали кучу. Не хватало организованности. Тут выступил один бородастый парень в очках. Предложил разделить на бригады. Распределились равномерно в соответствии с физическими возможностями. Определили время для смены. Работа пошла, и уже никто не отвлекался на селфи. Рационализатора тут же сфотографировали журналисты. На его уже испачканной и взмокшей от пота майке были выведены какие-то надписи на английском. Что-то о пикнике. Девушек освободили от труда. Они приносили воду, закуску для работающих. На них игриво поглядывали рабочие из мэрии. Я расслышал, как один из них назвал девушек «козочками» . . .

По тв регулярно передавали списки погибших и пропавших людей на той улице, где сель особенно буйствовал. Кроме погибшего рабочего, которого задрал тигр, и ночного дежурного зоопарка (её звали Саломе В.), в районе площади на улице погибло ещё три человека. Пропал без вести один мужчина. Говорят, что его в реку Куру унёс водоворот. Некоторое время искали пару молодых людей. Потом те объявились. В тот момент они находились в гостях в другом месте.

Подсчитали и материальный ущерб, к нему причислили погибших животных. Одного из обитателей — пингвина — выловили в водах Куры на территории Азербайджана. Большой популярностью пользовался отличившийся бегемот. По тв многократно показывали место, где тигр разорвал человека. То там, то сям валялись также трупы растерзанных тигром собак. Он не пожалел и щенка, чёрного, мохнатого, с ошейником на шее. На экране промелькнула физиономия психически больной женщины. Она держала в руках кошку и смотрела в камеру с любопытством. Будто кого-то узнала. Какой-то журналист-шалун попытался взять интервью у девиц, собирающихся недалеко от цирка, но те пугливо разбегались. В одной из передач привели статистику погибших в тот вечер и ночь от инфарктов и инсультов людей. Мол, наблюдался всплеск этих показателей. Опозиционные каналы во всех бедах обвиняли правительство, а его представители говорили о потеплении климата.

Все последующие дни в городе была прекрасная погода, река успокоилась, жизнь пошла своим чередом. Площадь снова заполнил трафик. Зоопарк привели в порядок.